

К. Ю. Ерусалимский^{ab}

ORCID: 0000-0002-3961-2376

✉ kerusalimski@mail.ru

^a Европейский университет в Санкт-Петербурге
(Россия, Санкт-Петербург)

^b Санкт-Петербургский институт истории РАН
(Россия, Санкт-Петербург)

От Европейской войны к церковной унии: Иван Грозный, Стефан Баторий и Антонио Поссевино

Аннотация. Эпистолярная полемика между Стефаном Баторием и Иваном Грозным, развернувшаяся в 1576–1578 гг. и достигшая непримиримости в 1579–1581 гг., завершилась благодаря посредничеству Святого Престола. Миссия иезуита Антонио Поссевино в Речь Посполитую и Россию наложила отпечаток на ход дипломатической переписки и переговоров, открыв для сторон новые перспективы на фоне обозначившихся планов по подготовке церковной унии, противостояния Реформации и турецкой угрозе христианским государствам. В статье уточнены выводы предшествующих исследований о ходе переговоров и смещен акцент с проектов Рима на многостороннюю оптику, позволяющую увидеть, как менялись позиции всех трех основных участников в ходе миротворческой миссии. Основное внимание уделено письму Ивана Грозного польскому королю от 29 июня 1581 г., ответу Стефана Батория от 2 августа 1581 г., составленному при участии коронной и литовской канцелярий, а также «речам» Ивана Грозного, представленным в Старице 12 сентября 1581 г. На этих пространственных высказываниях завершилась «горячая» эпистолярная и устная фаза в войне Ивана Грозного и Стефана Батория, однако ею лишь открылись усилия Антонио Поссевино по достижению целей Святого Престола.

Ключевые слова: Иван Грозный, Стефан Баторий, Антонио Поссевино, дипломатическая переписка, Ливонская война, Ям-Запольский мир

Благодарности. Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда № 21-18-00181. Автор выражает благодарность за ценные советы и помощь в доступе к литературе К. С. Коноплянко, С. В. Полехову, В. В. Рыбакову, А. Ю. Серегинной, С. Г. Яковенко.

Для цитирования: Ерусалимский К. Ю. От Европейской войны к церковной унии: Иван Грозный, Стефан Баторий и Антонио Поссевино // Шаги/Steps. Т. 9. № 4. 2023. С. 24–49. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-4-24-49>.

*Статья поступила в редакцию 30 мая 2023 г.
Принято к печати 4 августа 2023 г.*

Shagi / Steps. Vol. 9. No. 4. 2023
Articles

K. Yu. Erusalimskii ^{ab}

OCRID: 0000-0001-7854-3222

✉ togoeva@yandex.ru

^a *European University at Saint Petersburg
(Russia, Saint Petersburg)*

^b *Saint Petersburg Institute of History
of Russian Academy of Sciences
(Russia, Saint Petersburg)*

FROM EUROPEAN WAR TO CHURCH UNION: IVAN THE TERRIBLE, STEPHEN BÁTHORY, AND ANTONIO POSSEVINO

Abstract. The epistolary polemic between Stephen Báthory and Ivan the Terrible unfolded in 1576–1578 and reached its climax in 1579–1581. It ended through the mediation of the Holy See. The Jesuit Antonio Possevino’s mission to the Polish-Lithuanian Commonwealth and Russia left a lasting imprint on diplomatic correspondence and negotiations, opening new perspectives for both parties as well as for the Holy See against the background of plans for a union of Churches and for confronting the Reformation and the Turkish threat to Christian states. The article clarifies the conclusions of previous studies on the course of the negotiations and shifts the emphasis from the projects of the Roman See to a multilateral lens. This allows us to reconsider the positions of the three main participants, which changed during the peacemaking mission. The main attention is paid to Ivan the Terrible’s letter to the Polish king of June 29, 1581, Stephen Báthory’s reply of August 2, 1581, prepared with the assistance of the Crown and the Lithuanian chanceries, and Ivan the Terrible’s ‘speeches’ (*posolskii rechi*) delivered in Staritsa on September 12, 1581. These extensive ‘speeches’ concluded the “hot” epistolary and oral phase of Ivan the Terrible’s war with Stephen Báthory, but they were merely an opening for Antonio Possevino’s efforts to realize the Holy See’s aims.

Keywords: Ivan the Terrible, Stephen Báthory, Antonio Possevino, diplomatic correspondence, Livonian War, Truce of Yam-Zapolskii

Acknowledgments. The study has been funded by the Russian Scientific Foundation, project no. 21-18-00181. I would like to express my gratitude to colleagues K. S. Kopylanko, V. V. Rybakov, A. Yu. Seregina, and S. G. Yakovenko for bibliographic additions and valuable ideas.

To cite this article: Erusalimskii, K. Yu. (2023). From European war to Church union: Ivan the Terrible, Stephen Báthory, and Antonio Possevino. *Shagi / Steps*, 9(4), 24–49. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-4-24-49>.

Received May 30, 2023

Accepted August 4, 2023

Москва vs Святой Престол vs Варшава

Трехсторонние переговоры Российского государства, Речи Посполитой и Святого Престола 1581–1582 гг. — многоплановое событие, показавшее готовность сторон — и прежде всего властей России и Речи Посполитой — к завершению войны, которая и была связана с Ливонской войной ее действующими сторонами, и была ее частью, и в то же время переросла сугубо ливонскую направленность. Неустойчивость международных отношений на востоке Европы проявлялась в непредсказуемости дальнейшего противостояния на фоне угроз, возникавших по мере ослабления воюющих сторон. Москва несла монолитное православие и идеологию симфонии Православной церкви с царской властью. Речь Посполитая была по своему устройству и религиозной политике монархической республикой, где незадолго до изучаемых событий утвердился принцип веротерпимости. Не прошло даром обсуждение политической унии между Россией и Речью Посполитой, которое не казалось досужей фантазией на фоне королевских выборов в Речи Посполитой. Святой Престол видел опасность в обеих странах, продолжая считаться с «турецкой угрозой», прежде всего для католических стран. В России после Лепанто православная имперская власть претендовала на восстановление Византийской империи под своим патронатом или в качестве своей «отчины», однако в Риме знали о разорительных нашествиях крымских татар на Москву и о нежелании московского государя вступать в открытый конфликт с Османской Портой. В Речи Посполитой в то же время набирала ход Реформация, и королевская власть была не в силах сдерживать тенденцию к расширению толерантности и к политическому усилению реформационных учений в элитах, несмотря на то что для части элиты эти учения служили стимулом к выходу из православия, что открывало новые возможности для католической миссии. При этом избранный на троны Короны Польской и Великого княжества Литовского в 1576 г. король Стефан Баторий пользовался поддержкой Франции и Турции и не приветствовал имевшую некоторую популярность идею антитурецкой лиги.

В этой работе мы обратимся к полемике, развернувшейся между Иваном Грозным, Стефаном Баторием и Святым Престолом в 1581 г., сыгравшей немалую роль в завершении Ливонской войны и подводившей своеобразную черту под многолетним противостоянием. Многие аргументы в этом полилоге про-

звучали впервые с неумолимой прямоотой и позволили обозначить грани между достижимым и недостижимым. Особое внимание мы сконцентрируем на письме царя от 29 июня, ответе короля от 2 августа и устном разборе письма короля царем перед папским легатом 12 сентября 1581 г., когда эпистолярная фаза полемики закончилась. Спор решался на полях сражений в Российском царстве и на переговорах под Ямом Запольским, открывшихся 13 декабря 1581 г. и увенчавшихся 15 января 1582 г. десятилетним перемирием.

Прежде чем обратиться к самой полемике, зададимся вопросом: в чем заключались позиции сторон? Чего они добивались и с каким багажом пришли к середине 1581 г.?

Иван IV стремился удержать земли в Ливонии и Великом княжестве Литовском, завоеванные в 1558–1577 гг. Готовность продолжать войну и отмеченное спутником Антонио Поссевино, Джованни-Паоло Кампана, еще в сентябре 1581 г. упование царя на Бога в достижении новых побед опирались прежде всего на доктрину, выработанную в Москве в годы двух польско-литовских бескоролевий. Царь на первых и вторых элекциях в Речи Посполитой выступил за переход наследия Сигизмунда II Августа в свои руки (неохотно соглашаясь также на кандидатуру своего сына Федора) или под власть Максимилиана II Габсбурга (допуская и кандидатуру его сына) [Флоря 1978; Lulewicz 2002; Kąkolewski 2007]. Тайная готовность разделить земли Речи Посполитой была явлена *urbi et orbi* в полуоткрытом послании Ивана IV Максимилиану II от января 1576 г., которое содержало проект нацеленного против Османской империи династического и военного союза между Москвой и Венной на осколках шляхетской республики [Бачинский и др. 2019]. Когда избранный на троны Короны и Литвы Стефан Баторий получил на Варшавском сейме 1578 г. карт-бланш на отвоение владений Речи Посполитой, в Москве приняли вызов и предприняли попытки закрепить союз с Рудольфом II, сменившим на имперском троне Максимилиана II. В попытках сохранить коалицию Иван IV вступил в войну с польским королем, которого на первых порах не признавал и считал самозванцем, захватившим троны Польши и Литвы у Габсбургов. Поражения царя в Московских походах Стефана Батория 1577–1581 гг. и нежелание Рудольфа II втягиваться в войну настроили Ивана IV более миролюбиво. Он признал формальные права польского короля, был готов на территориальные уступки для установления перемирия, однако явно затягивал переговоры, что постоянно отмечали польско-литовские контрагенты, продолжая балансировать между боевыми действиями и дипломатической торговлей [Новодворский 1904].

Для Стефана Батория задачи определила предыстория российско-польских отношений. Он воевал за владения своих предшественников на троне и был готов решать спор с московским монархом на поле брани, вплоть до рыцарского поединка с Иваном Московским. Восстановление польско-литовской администрации в Ливонии, отвоение ряда приграничных территорий Великого княжества Литовского и мобилизация коронных восточных русских земель не остановили короля. На волне амбициозных заявлений Ивана Грозного, воспользовавшись самой же аргументацией великого князя московского, он выдвинул ряд аналогичных встречных требований. Стефан Баторий требовал вернуть ему все захваченные Москвой русские владения королей, включая

завоевания и аннексии предыдущих правлений — Великий Новгород и Псков, Смоленск, Чернигов, Северскую землю, верховские княжества. Еще в грамоте 1580 г. со всей злой иронией Стефан Баторий дал согласие на использование псевдотитула Ивана Московского «господарь своея Руси». Инициатором этой уловки король быть не мог, поскольку не знал русских языков, но само это оскорбление было частью риторической войны против Москвы, развязанной еще в начале правления короля. Царский титул за Иваном Московским король Стефан отказывался признавать, уверенно парируя попытки лишить его в ответ королевского титула. При этом король, поддерживая политические тенденции своих предшественников в отношениях с Москвой, противостоял не только Ивану IV, но и Святому Престолу, поскольку еще коронационной присягой 1 мая 1576 г. обязался хранить в своих государствах мир между конфессиями в соответствии со статьями Варшавской конфедерации 1573 г. Кроме того, папа Григорий XIII допускал немыслимую для короля возможность царской коронации Ивана Васильевича и союз между царем и королем против Турции. Обсуждение казанских, астраханских и сибирских прав московского царя, как и в последние годы правления Сигизмунда II Августа, сводились к злой иронии о мусульманском царском статусе в мусульманских царствах. Попытки православного монарха воспользоваться посредничеством Святого Престола вызвали у короля ряд не менее ироничных замечаний насчет заявлений великого князя московского, будто бы стремившегося к союзу с католиками. Апелляции Москвы к христианскому единству в Варшаве и Вильно расценивали не иначе как переговорную уловку.

Особую позицию по урегулированию на востоке Европы занял Святой Престол. Григорий XIII в роли посредника допускал продолжение католической миссии, однако в миротворчестве видел шанс на преодоление внутренних противоречий внутри западного христианства и на воссоздание антитурецкой коалиции. Возглавивший депутацию от папы в Россию Антонио Поссевино еще в 1577 г. по поручению Григория XIII редактировал меморандум Жана де Вандевилля о распространении католической веры. Как установлено исследователями в XX в., Поссевино принадлежит особая версия этого сочинения с обширной программой, частью которой было создание Восточного коллегiums и католических миссий, охватывающих православные страны и регионы [Polčín 1957; Donnelly 1988; Mund 2004; Sach 2020]. Трудности для Рима в Речи Посполитой заключались еще и в том, что местная паства, особенно в Великом княжестве Литовском, представлялась в Риме зараженной кальвинизмом и другими реформационными учениями. В идеале укрепление власти Стефана Батория должно было подавить эти ростки, и переговоры с Москвой представлялись в Риме удобным поводом для давления на Великое княжество Литовское. При этом знания о московской церковной истории не оставляли Поссевино и его спутникам слишком больших надежд на скорое обращение москвитов. Трактат «Московия» Поссевино и записки Кампана доказывают, что переговорщики на этот счет и не обольщались. Святой Престол полагался на тот же механизм, который должен был сработать в отношениях польского короля с литовской элитой. Если бы удалось обратить в католичество царя, его подданные подчинились бы своему властелину, и способствовать обращению должна была Иезуитская коллегия в Москве. Этому сценарию могли содей-

ствовать и давнишние стремления Ивана Московского к царскому титулу на Руси (включая Московию и Киев) и в Турции. В свою очередь, это, конечно, затрудняло для Рима путь к единству веры, поскольку допустить существование двух императоров под сенью Святого Престола было невозможно. Антонио Поссевино получил инструкции уступить московскому правителю в его борьбе за царский титул, предложить ему условия для принятия короны из рук римского папы и содействовать в переговорах о признании царского титула Ивана Васильевича в Европе. В переводе грамот Поссевино к Ивану IV и к боярину Никите Романовичу Юрьеву от 15 мая 1581 г. с латыни в кратком титуле присутствует элемент «царь», но в развернутом адресе он добавлен только к части владений великого князя: Казани, Астрахани, после которых значатся Смоленск, Псков, Тверь, «и иных»¹. Поссевино предложил царю объединиться с католичеством, взамен суля исполнение наиболее радужных чаяний русского государя — титул царя и в перспективе Киев и Царьград: «И ты, великий государь, не токмо будешь на прародительской вотчине на Киеве, но и во Царствующем граде (т. е. в Константинополе. — К. Е.) будешь, а папа и цесар и все господаи великие о том будут старатца»². Этот сценарий, учитывая политическую принадлежность Киева после заключения в 1569 г. Люблинской унии Короне Польской и настрой Стефана Батория повсеместно отвоевывать у царя земли Речи Посполитой, был возможен лишь в том случае, если в Риме предполагали не только заключение мира, но и последующее создание федерации России и Речи Посполитой. Со своим планом Римская курия не рассталась и после Ливонской войны, однако на 1581 г. он звучал по меньшей мере экстравагантно. Править Константинополем и владеть Киевом было заманчиво, но Иван Васильевич отказался принимать католицизм, а остальные предложения отклонил, сославшись на свой возраст и греховность перемены веры: «И не мьне коли уж переменятьис и на большое господарство хотети. Мы в будущем восприятия малого хотим, а здешнего господарства всее вселенные не хотим»³.

Иезуит в борьбе за христианский мир

Хронологические рамки переговоров хорошо изучены. 21 февраля 1581 г. отправившийся из Москвы в Европу еще осенью предыдущего (январского) года Истома Шевригин был принят папой Григорием XIII и от лица царя просил о посредничестве в переговорах с польским королем. 27 марта Антонио Поссевино вместе с российскими послами направился через Филлах, Грац, Вену, Прагу и Вроцлав к Стефану Баторию в Вильно, где оказался 13 июня, провел переговоры с королем и проследовал за ним в Дисну и под Полоцк, недавно вернувшийся в состав Великого княжества Литовского [Mund 2004: 411; Quirini-Popławska 2012: 248–252; Quirini-Popławska, Burkiewicz 2012: 590]. Король готовился к новому походу против великого князя московского и в переговорах с папским легатом высказал опасения, что его миссия может только настроить «Московита» (т. е. Ивана Грозного) на сопротивление, придаст ему

¹ РГАДА. Ф. 78. Оп. 1. Кн. 1. Л. 37, 39, 39 об., 40.

² РГАДА. Ф. 78. Оп. 1. Кн. 1. Л. 368 об., 373–373 об.

³ РГАДА. Ф. 78. Оп. 1. Кн. 1. Л. 369 об.

сил в борьбе за более выгодные для него условия мира. Успех в грядущей войне не был для короля очевиден, хотя он и был полон решимости продолжать войну. Переговоры с московским посольством во главе с О. М. Пушкиным проходили в начале 1581 г. в ожидании полного отречения Ивана Грозного от Ливонии, однако в придворных кругах и в среде сенаторов Речи Посполитой в каких-то сценариях обсуждалось возвращение царю Полоцка и Заволочья⁴.

29 июня 1581 г. Иван IV, уже зная о готовящемся походе на Россию, направил обширное письмо Стефану Баторию с его посланником Криштофом Держком, который отдал его адресату 15 июля в Полоцке. Письмо московского монарха вызвало бурное негодование в военном лагере. В конце июля — самом начале августа 1581 г. под Заволочьем на трех языках (польском, латыни и русском-рутенском) было составлено ответное послание, которое в двух редакциях (кроме польской) было доставлено царю гонцом Матвеем Проворским. Вероятно, общие консультации с королем по поводу предполагаемого содержания письма закончились к 1 августа. Секретарь коронного канцлера Ян Петровский в своем дневнике Псковского похода приводит ответ короля на польском языке, а в записи от 2 августа рассказывает, как целый день от самого восхода и прямо до заката «все паны и мы» (*wszisczi Pany u my*), т. е. Петровский и Гизий, потратили на ответ царю на «его бессовестную грамоту» (*nad tą niecznotliwą hramothą*). Стефан Баторий не проявил особого интереса («а Panu tesz nie wiem co po tym wdawać w te Lithewskie odprawu»). Литвины должны были вслед за авторами перевести послание на русский (т. е. на рутенский). Все удалось сделать весьма быстро, учитывая, что Петровский сомневался, пойдет ли работа споро («iako to prentko bendzie»). Тем же днем послание и датировано. Показательно, что запись от 2 августа в дневнике секретаря начинается словами: «Господи Боже, дай, чтобы этот Московский подох еще до того, как мы доедем до Пскова» (*Panie Boże day, ze ten Moskiewski zdechł, nis do Pskowa doiedziem*) [ДПП: 42–43].

После очередного раунда переговоров 21 июля в военном лагере под Полоцком Поссевино направился к границе и 26 июля был в Орше. В тот же день, когда под Заволочьем сотрудники королевской канцелярии совместно с литвинами завершали свой масштабный труд, Поссевино направился во владения Ивана Грозного, 8 августа достиг Смоленска и 18 августа прибыл в Старицу, где был принят Иваном IV утром 20 августа⁵.

⁴ AGAD. AR. Dz. V. Sygn. 75. S. 2 (Доминик Аламанни — княгине Катерине с Тенчина Слуцкой, 31 мая 1581 г.).

⁵ Ошибочно мнение о том, что А. Поссевино был принят Иваном IV уже 18 августа (ср. [Mund 2004: 412; Burkiewicz 2012: 168–169; Quirini-Popławska, Burkiewicz 2012: 590]). Ряд источников говорит о том, что 18 августа состоялся лишь въезд в Старицу. На следующий день царя не было в Старице; вероятно, он ездил в Иосифо-Волоколамский монастырь. И лишь 20 августа 1581 г. состоялась первая торжественная аудиенция Поссевино у царя в Старице (РГАДА. Ф. 78. Оп. 1. Кн. 1. Л. 65 об., 76–78 об.; публ.: [ПДС (10). Стлб. 60, 68–70]; см. также: [РК 1605: 211–212 (л. 755 об.); Кампана 2018: 342–345 (18 августа); ВХКИВМ: 193 (л. 193); Мельник 2018: 74–75 (19 августа)]; РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Кн. 4. Л. 105, публ.: [ПДС (1): 840]; РГАДА. Ф. 78. Оп. 1. Кн. 1. Л. 79, публ.: [ПДС (10). Стлб. 70–71]; [Кампана 2018: 232–247, 346–359 (20 августа 1581 г.)]). Данной хронологии событий убедительно следует Данута Квирины-Поплавская. Впрочем, в составленном ею совместно с Лукашем Буркевичем итинерарии Поссевино к 18–20 августа отнесены почему-то пиры у царя, а к 21 августа — первая аудиенция [Quirini-Popławska 2012: 252–253].

Переписка Стефана Батория с Иваном Грозным уже пользовалась известностью, хотя и не очень широкой. Во время походов короля на Полоцк в 1579 г. и на Великие Луки в 1580 г. письма от царя публично обсуждались шляхтой, что отразилось в *silva rerum*. Однако ответные письма короля не были «общим делом», оставаясь в приоритете королевской власти и канцлеров Короны и Литвы. В Москве и тогда, и позднее, вплоть до эпохи царя Михаила Федоровича, послания царя и ответы короля вовсе не имели читателей, а сохранившиеся сборники с подобными письмами, возникшие в XVII в., доказывают лишь то, что приказная бюрократия в какой-то момент составила компендиумы, которые в рукописной традиции сохранились, как и посольские книги, только в стенах Посольского приказа. Свидетелями ответов царя могли быть лишь его сын царевич Иван Иванович и молчаливые придворные.

Показательна рукописная традиция. Послание Ивана Грозного 29 июня 1581 г. (одно из трех, отправленных в тот день царем и думой) известно по 10 спискам. Из них три московских, но лишь один из них в составе посольской книги, и он, к сожалению, дефектный; еще два — краткие выписки XVII в. из формуляра послания. Остальные семь списков — из архивов Речи Посполитой и Ватикана (в том числе краткий латинский перевод). Ответное послание Стефана Батория от 2 августа было прислано в тетрадах, т. е. скрепленными листами или книжкой, и известно по 10 спискам, как отмечено выше — в трех версиях (рутенской, латинской и польской). Из них только один список московский — в составе посольской книги (с рутенской версии; латинские в посольские книги не заносились, приводились в переводах). Наконец, речи царя, адресованные через посредника Стефану Баторию в Старице 12 сентября, отразились в посольской книге по сношениям России со Святым Престолом, поскольку были выданы как устный ответ на письменное послание короля через Поссевино. Сплошное сравнение списков посланий между собой и цитации в ответах показывает, что король слушал далеко отстоящий от оригинала перевод, тогда как царь Иван при ответе пользовался рутенским посланием короля. Некоторые фразы он не комментировал напрямую, а просил толмачей или присутствующих на церемонии знатоков перевести ему. Латинский текст послания 2 августа сильно отстоит от рутенского, и король считал важным демаршем направить обе версии царю, предполагая со своей стороны возможность дальнейшей переписки на латыни, — это могло бы уравнивать стороны в языковом этикете.

Полемика между царем и королем открыта тремя посланиями Ивана Грозного от 29 июня. Их них первое и самое обширное написано от имени царя. Второе — боярами и адресовано к Панам раде Речи Посполитой. Третье касается частной темы, затронутой лишь вскользь в других письмах, — обмена пленными. Царь составил целый трактат о своих правах, владениях и господстве над Стефаном Баторием. Однако именно Иван Грозный первым упомянул Адама — и не для характеристики размеров текста, а в укор за бесконечный поиск обид у предков:

Чово отцы их не умели отыскать, что они кровопроливством отыскивают (*М*: одыскивают) далее, (уж же) (*М*: жь уже) что и от Адама (*так в М*; *А*: Дама) делалося, и тово станеш отискивати!»⁶

⁶ Цитата на основе списка: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. № 591 (*А*). Л. 525 об. С учетом чтений списка: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. № 592 (*М*).

Король в ответном письме скажет, что это Иван Васильевич любой свой упрек начинает «от Адама»⁷.

Письмо короля еще больше, и царь в речах 12 сентября 1581 г. передразнит оппонента — «от Адама» пишет он сам: «...а то не от Адама ли он поминает, что господарей за пять за шесть хочет отыскивати, что от сѣх мѣст лѣт за сто и болши» [ПДС (10). Стлб. 226]. Первое послание царя от 29 июня начинается с недовольства по поводу того, как было принято королем посольство Пушкина. Раздражение Ивана Грозного было вызвано тем, что король отказался от мирных предложений, учитывавших и перспективу раздела Ливонии, и занятые королем владения самого же царя. С этого и началась эпистолярная дуэль: царь перечисляет свои уступки, приводит исторические примеры, убеждает оппонента здравым смыслом — все это чтобы доказать ему, что он должен отказаться от своего «безмерья», прийти на «меру» и остановить кровопролитие («узнаешься и безмерье (М: безмире) отставиш, и на меру сойдеш»)⁸. Царь знает, что войско Батория уже движется к границам его государства, и приводит в ультимативной форме свои прежние попытки договориться, возлагая всю вину за надвигающееся кровопролитие на своего противника.

Ответ Стефана Батория погружен в стихию публичного чтения. Его письмо — это коллективный вызов московской власти как таковой. Оно много-словно и с первых же строк наполнено многократными инвективами. Оскорбительные эпитеты рассыпаны во множестве⁹.

Русская (рутенская) версия	Латинская версия
лист твой велми долъгий, полный спросности и вшетеченства, и омылности (л. 546 об.)	litteras tuas <...> quibus lectis <i>plenissimis</i> (B: <i>levissimis</i>) et <i>vanissimis</i> (II: <i>vanitate</i>), et maledicentia (fol. 2)
всему справы твое спросные и поганьские суть явны, жытье нашо учъство и побожно ест, теж всим явно (л. 547)	impuritatem procacitatemque tuam, ita vitae ac morum nostrorum integritatem honestatemque omnibus cognitam esse
тогда и то учынок хрестияньский (II: хрестьянский учинок), же до тебе лежачого у (М: в) болоте спросности и (II: нет) небаченья твоего склонимься (л. 547)	quovis tempore extrahat, nos itidem recte, si tibi in caeno maledicentiae et impuritatis tuae iacenti, manum porrigamus, tui extrahendi causa

⁷ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. № 591. Л. 569 об.

⁸ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. № 591. Л. 520 об. Курсивом здесь и далее переданы фрагменты текста, к которым в скобках тут же приводятся разночтения по другим спискам, если не обозначено иное.

⁹ В приведенных ниже примерах реконструируем русский-рутенский текст послания Стефана Батория на основе списков Литовской Метрики РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. № 591 (А) и № 592 (М), а также Посольской книги РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 13 (II). Номера листов — по списку А. Латинский текст реконструируем на основе списков Берлинского — GStA-PK. НВА 719 E5 (Б, принят за основу), Варшавского — BN. № 6604 (В) и Римского архива иезуитов — ARSI. Polonia. Opera nostrorum. № 329 I (II), а также издания Тургенева [HRM: 323–350, № CCXXV] (Т).

<i>Естлиж</i> (М: еслиж) слова нашы не будут тебе смаковати, ты сам того прычыною, <i>жес</i> (П: же) ся на нас торгнул наперед несмачными и быстрыми словы (л. 547 об.)	Quod si tibi non iucunda <i>nostra videbitur</i> (B: videbitur nostra) oratio cogitare debebis eam abs te provocatam esse petulantia tua, qua nos prior acerbissime lacerasti
А потом на твое дотыканье неслушное и невстыдливое особы и обычаев наших отповемы	Iterare quae tu scripsisti hominis esset <i>ocio</i> (B: otio) nimium abutentis, et te meminisse putamus quae <i>scribis</i> (П: scribis) (fol. 2 ^v)
Але однак сховаи еси собе <i>перенис</i> (М: препис) того так дольшого бахорства твоего	<i>Utut</i> (B: et ut) est, <i>habes</i> (B: bebes), dubio procul exemplum scripti tui
О, никчемный чоловече, што то бредиш! (л. 567 об.)	Quid <i>ais</i> (B: agis) nugacissime? (fol. 13 ^v)
О, марный чоловече ядовитый, <i>потворцо</i> (М: потварцо) чужого сумнения, злый сторожу своего! (л. 570 об.)	improbe et virulente Calumniator, <i>aliena</i> (BT: alienae) <i>conscientiae</i> (B: conscienciae) criminator, infide custos tuae (П: нет всего отрывка) (fol. 15 ^v)

Один из главных упреков короля в адрес царя в том, что тот отказывается выходить с ним на бой и не защищает своих подданных. Это обвинение звучит в письме погромно. Король выхолащивает образ двуглавого орла, уничижительно сравнивая его с пекущейся о своих птенцах курицей:

И бедная кокош перед ястребом и *орлом* (М: горлом) птенца своя крылами своими окрывает. А ты, орле о двух головах, бо ся так печатаеш, — хороняешься, а не только зраду, але и *кровоприсяжеству* (М: кривоприсяжеству; П: кривоприсяжество) сам кровоприсяжцо!¹⁰

Эта ироническая эскапада нацелена как в символы государственной власти, так и в имперское наследие, которым кичился царь. Двуглавый орел был символом не только российской правящей династии, но и империи Палеологов, и Священной Римской империи. Стефан Баторий последовательно отстаивал свой статус избранного монарха, считая себя подлинным наследником Римской республики, в отличие от тиранов, претендующих на господство над миром, а на самом деле уподобляющихся фараонам, иудейским несправедливым царям и узурпаторам.

Список инвектив в письме короля говорит о том, что современники Ивана Грозного находили в его эпистолярных манерах не стилистическое своеобразие, а повод для словесной эскалации полемики. Перед нами не особенность литературного дара, а череда дипломатических диверсий, на которые следуют не всегда симметричные ответные эскапады. Было бы логично предположить, что высказывания царя масштаба Первого послания Курбскому 1564 г. и июньского письма Стефану Баторию 1581 г. звучали хоть как-то публично. Однако подобные предположения в обоих случаях опираются лишь на совпадения речевых оборотов в ряде посланий Ивана Грозного и не опираются ни на какие данные о подобных декламациях в России. Царь своими «кусатель-

¹⁰ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. № 591. Л. 570.

ными» речами не «общался с народом» и не бравировал, а пользовался для унижения своих оппонентов.

Король берется за непростую задачу, но именно в ней весь смысл его начинания. Он доказывает противнику, что действительно избран на Королевство Польское и Великое княжество Литовское, но не как безродный шляхтич, а как достойный своих престолов хорошо образованный воин-политик из благородного княжеского рода. На этом строится череда обвинений в адрес царя. «Московит» допустил непозволительные непристойности в отношении королевского «маестата» (суверенитета), принял не как полагается послы Речи Посполитой в 1577–1578 гг., нарушил свои же договоренности с Великим княжеством Литовским и с предшественниками короля, вместо договора с новым королем вторгся в Ливонию, прикрывает свои амбиции ложными и для всего мира смехотворными экскурсами в прошлое и величает себя величайшим правителем на свете, зарвавшись в самовосхвалениях, а сам ведет себя как обычный тиран, супротивный воли Бога узурпатор и насильник, от которого бегут даже его подданные. Достигая своей цели, авторы послания выдерживают лишь самый общий план из послания царя от 29 июня, направляя основные удары в те вопросы, которые для царя нередко не являются первоочередными. Король ведет справедливую войну, воздавая за все эти унижения, но в значительной степени и не поэтому, а по причинам, которые высказаны *explicité* в письме царя: его заявления несут опасность не только королевскому «маестату», но и суверенитету Речи Посполитой (в частности, Жмуди), королевских ленов (Ливонии и Пруссии) и всей Европы.

При перечислении огрехов в поведении царя Стефан Баторий не чурается и гневных выпадов в адрес церковной жизни, очевидно, готовясь к диалогу с Антонио Поссевино и предложениям Святого Престола. Так звучит упрек, что Москва обособлена «от всего хрестиянства», все больше «з нагайцы и з ыными татары, аниж з хрестияны обыцуючы». Упомянув Ферраро-Флорентийский и Тридентский соборы, король высказывает надежду, что царь разрешит в Москве костелы (в острой форме предложено перечислить существующие в России костелы для короля «на реистрыку», в Москве это слово прочитано: «на ристрыку»)¹¹. Москва также готовилась к религиозным прениям, уже зная о приезде Поссевино, и неслучайно в послании царя 29 июня одобрительно упомянута Флорентийская уния, что и вызвало насмешки короля. Царь, как почувствовал Стефан Баторий, со ссылкой на митрополита Исидора наращивал силу для одного-единственного аргумента: если уния уже заключена, то чем мешает королю насаждаемое из Москвы православие в Ливонии: «Ино паны твое то ли хрестиянство держать, что не любяты под греческою верою Лифлянтъские земли? А они и своему папе не веруют!»¹² Иван Грозный, конечно, расчетливо наносил удар в область религиозного конфликта польско-литовского общества, одновременно представляя на суд Святого Престола отношение к православию. В Короне и Литве многие подданные короля были православными. Москва не претендует на опеку над ними. От этой идеологической программы, звучавшей в московских памятниках в начале Ливонской войны и в канун Полоцкого похода 1562–1563 гг., в переговорах 1581–1582 гг. царь старательно воздерживается.

¹¹ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. № 591. Л. 559–559 об.

¹² РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. № 591. Л. 524.

Программы Стефана Батория и Ивана Грозного в принципиальном для Святого Престола церковно-догматическом вопросе расходились непримиримо и кардинально. Король не видел возможности доверять словам правителя, который вытравил католическую веру в своей стране и при этом под видом заступника христиан безжалостно захватывает христианские земли, принуждая их население принимать православие. Царь делает упор на реформационном расколе внутри Речи Посполитой и требует от Рима признания православия (греческой веры) полноценным христианством — в идеале такой подход царя означал бы, что реформационные вероучения должны быть в Речи Посполитой запрещены, а православие признано равноправным католичеством.

Варвары и барберы

Значительный объем переписки июня — сентября 1581 г. состоял из взаимных инвектив и ответов *verbatim* на эскапады оппонента. Доходит до взаимного высмеивания отдельных выражений и формулировок. Ответы царя на послание короля от 2 августа 1581 г. следуют за текстом оппонента, иногда с подробностями парируя заявления Стефана Батория, иногда двумя словами, в ряде случаев оставляя их без реакции или ограничиваясь ссылкой на другие ответы либо риторическим отказом. Разбор инвектив в свой адрес царь предваряет словами «что мы к нему писали ... — ино то ...», «что будто мы пишем ... — ино ...», «что мы ... — и мы», «а что он пишет ... — ино то ...». В отличие от обширного послания царя Курбскому в 1564 г., задачи проговорить каждое слово Стефана Батория у царя в 1581 г. не было. В основном он в своей речи 12 сентября «цеплялся» за слова, вырывая их из контекста, потроша и высмеивая, лишь изредка приводя в своем ответе несколько слов или фразу из письма Батория. Король и его соавторы поступали сходным образом, чаще не буквально, а отталкиваясь от перевода писем Ивана Грозного и реже придавая значение речевым оборотам. В речи царя сильна нота самоуничижения — римскому легату предъявлены ложные наговоры противной стороны: нам вменяют неслыханные вещи — преступления, которых ни мы не совершаем, ни «от Адама» никогда не было; умаляют в исконных и законных правах; вменяют грехи; грубо оскорбляют; винят в развязывании войны, которую сами же начали; унижают наших послов. В отдельных случаях Иван IV использует риторическое согласие с противником насчет своих слов, подчеркивая тем самым свою правоту и нежелание менять мнения или акцентируя иронические похвалы Стефана Батория, как если бы они были сказаны всерьез. Но все подозрения о покушении на королевское достоинство Иван Грозный признавать отказывается, настаивая, что его слова неверно истолкованы. Царь призывает Антонио Поссевино рассудить спор, акцентируя внимание ученого иезуита на словесной нелепости и нелогичности одних обвинений в свой адрес и историко-богословской неточности других¹³.

¹³ В приведенных ниже примерах реконструируем рутенский текст послания Стефана Батория на основе списков Литовской метрики № 591 (А) и № 592 (М) и Посольской книги № 13 (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 13) (П). За основу принят первый из этих трех списков. Латинская версия заслуживает отдельного исследования с учетом реконструкции не только

Письмо Стефана Батория 2 августа 1581 г.	Речь Ивана Грозного 12 сентября 1581 г.
в котором много ущипливе противко нам без прычины наше и непрыстойне не огледаючысе (<i>М</i> : не огледаючися; <i>П</i> : огледаючис (<i>нет</i> не)) на стан свой пишеш (л. 546 об.)	что будто <i>мы пишем не огледаючись на свой стан</i> , — ино наш стан всей вселеннѣй вѣдом, почен от великого Рюрика (стлб. 206–207)
Алетобесамомубольшей (<i>М</i> : болш), кгдаж каждого сердце и sprawy люди бачные з мовы его або статечные, або быстрые судять розумеючы, иж неповстягливе жыветь, который ся неповстягливе на кого пушаеть (л. 547)	что мы <i>неповстягливе живем</i> , — и мы живем встягливо по Божью веленью и по господарскому чину, как нас Бог вразумит, а sprawy наши не шаткие, ни поганские, sprawy наши ведутца, как были при отцѣ нашем и при дѣдѣ (стлб. 207)
К тому видячы то, же всему свету sprawy твое спросные и поганьские суть явны, жытѣ нашо учѣство и побожно ест, теж всим явно, кгдаж есмо в земли той, которая ест на очах всего хрестиянства, вродилися, въсховалися и жыли	а что он про себя пишет, что как он <i>родился</i> и как был до Коруны Полские, и то <i>всему свѣту вѣдомо</i> , и гдѣ будет он <i>в наукѣ</i> был до королевства по которым мѣстом, — ино то он вѣдает, а здѣся тово обычая не ведется в нашем русском что по науком господарским дѣтем ѣздити (стлб. 207)
ведже однак подобно паметаеш, што до кого пишеш (л. 547 об.)	а что Стефан король в своей грамотѣ писал, чтобы <i>нам памятовати, до ково мы пишем</i> , — и ты б то, Антоней, поразсудил по тому ево слову такую гордость, каков он перед нами ставитца высок (стлб. 207–208)
А ты, яко правдивый человек, в которого устах псалмы без престаньку суть, гоньца нашего Гарабурду задержал еси (л. 549 об.)	а что он нас пишет укоряя о <i>задержаньи гонца своего Петра Гарабурды</i> , а пишет к нашему лицу так: <i>а ты яко правдивый человек, в которого в устах псалмы без престанку суть, гонца нашего Гарабурду задержал еси</i> , — ино так и есть (стлб. 210–211)
Послы твое до нас поехали, а войска твое (<i>М</i> : твои; <i>П</i> : <i>нет</i>) до Кеси тягнули (<i>П</i> : тягнуло) (л. 549 об.)	а что он писал в кою пору у него наши <i>послы</i> были, а мы посылали <i>рать свою к Кеси</i> , — и он таки одно говорит тою неправдою, что Лифлянская земля не ево, и то было тогды к тому дѣлу и не пригодилося (стлб. 211)
И прытом якобысь ты был який чудотворец (л. 550)	и он нас зовет святым <i>чудотворцом</i> , — ино то уж потому кто не свят да не чудотворец, и ему то ни против которого господаря не вставать (стлб. 212)

кириллической версии, но также и из письма короля Стефана, приведенных в речах Ивана Грозного от 12 сентября 1581 г. При цитировании речи царя 12 сентября 1581 г. здесь и далее за основу принимаем столбцы по [ПДС (10)].

Курсивом в этой таблице обозначены цитатные заимствования в речах Ивана IV из послания Стефана Батория.

Смотрыж свое шчырости, смотрыж своих поважных поступков (<i>П</i> : поступок), з якими послы свое посылаеш! Видечи вже так близкое небезпеченство (л. 553)	да и то он в своей грамотѣ писал, такую гордость и похвалу, и грозу: <i>смотри ж с своей шчырости, смотри ж своих поважных поступков, с якими послы свои посылаеш видячи вже так близкое небезпеченство</i> , — и то наших послов посолство болши подобно на блаженство, нежли на посолство, и он секиру до пня приложил, Луки взял — и то ли Стефан король по-хрестьянски дѣлает? (стлб. 213–214)
перед которым укажи, естли што такового от веков в земли твоей было (л. 559)	а что пишет король Стефан, что <i>в нашей землѣ тово не бывало</i> , чтоб к нам приѣзжали от королевского роду, — ино то преж тово не бывало (стлб. 217)
Затвержай же вже сердце свое, яко хочеш, фараоне московский, о чотырыкрат сто тисечей (черьленых золотых) (<i>М</i> : золотых черленых) з стороны накладов военных (<i>П</i> : накладу военного) отписуеш (л. 562 об.)	а что он пишет меня <i>фараоном</i> , а просит у меня <i>ста тысячь черленых золотых</i> , и фараон египецкой никому дани не даывал (стлб. 218–219)
А заж вже (<i>П</i> : слово ниже после тебе) мы тебе не ознакомили тепер з Вильни, але хотябы анѣгел або апостол Божый тебе што поведал, тогды ты не учыниши (л. 566)	а что он гордостью писал, хотя нам <i>и ангел или апостол повѣдает</i> , а мы тово не послушаем, — ино ещо он ни ангел, ни апостол, что нам его слушати (стлб. 221)
одно то, што ест водлуг твое мысли, то вже потолок поведаеш, же не ведле обычаев предков наших (л. 566 об.)	а что нам велит <i>подлѣ обычая предков его</i> писати, — и мы извыкли предков своих обычей дѣлати, а литовских предков и чужеземских иных обычаев не извыкли дѣлати и не хотим (стлб. 221)
слышали то послы твое достаточне (<i>П</i> : достаточного не), же чым должей мели ся тые sprawy проволокаати и чым нас до больших коштов (<i>П</i> : костов) приводили бы (<i>П</i> : выше после чым), же теж не вменшывати, але прибавляти стацей (<i>П</i> : статей) мели есмо, якож же так быти мусить, сама то реч показуеьт (л. 569)	да в той же своей грамотѣ писал, чѣм болши <i>проволака</i> будет, тѣм болши <i>ему статей прибавлявати</i> прошения, — и тут которому доброму дѣлу быти (стлб. 225)
так теж за превротного и подступного нас оказати хочеш, поведаючи, же на кони седечи, с тобою обѣсылаеьмся с послами твоими становим (<i>М</i> : намовля) «...» што есмо тебе подманутися не дали и часу собе зволючы, который у каждого чоловека ест дорог (л. 569)	а что он пишет, будто мы на нево неподѣлно пеняли, что он <i>на конѣ сидячи с нами обсылаеьца</i> , а будто мы его тѣм хотѣли <i>оманути</i> , — ино та оманка во всей вселенной знатна... (стлб. 224–226)
кто нас на конѣ наш посадил, то есмо вжо перед тым выписали (л. 569)	а что он сказывает, что мы <i>его на конѣ посадили</i> , — и мы послѣ полоцкого взятъя чѣм ему погрубили, чтоб он то сказал?... (стлб. 226)
бо чому еси ест тепер Иоаньном, а перед тым еси звался Иваном Васильевичом (л. 572)	а что он пишет, будто мы то перво пишемся <i>Иоанном</i> , а перед тѣм звалися <i>есмя Иваном Васильевичем</i> , — ино то простое имя... (стлб. 229)

жаж ест ты греком яким, рымьянином або влохом, або ишпаном — не москвитином (л. 572)	а что он нас <i>зовет не москвитином</i> , — ино правда есть, что мы не москвичи (стлб. 229–230)
Чы пак то длятого чыниш, же нам ганиш, иж есмо королем обраны? А иж ся есмо с отца короля не вродили... (л. 572)	что <i>мы его ганбим</i> , что <i>он не от короля ся родил</i> , — и мы его не ганбили... (стлб. 230–231)
играти прысегою и крывопрысегати, подкинувши лист (л. 573 об.)	а что пишет он, что будто мы <i>лист подкинули</i> , — ино то пишет о нашей грамотѣ, и мы о том выше сего писали (стлб. 233)
Гдеж ся брат твой Володимир, так много бояр, так много людей побил (II: подело)? (л. 573 об.)	а что пишет о <i>братѣ нашем о князѣ Володимерѣ</i> , — ино князь Володимир от нашего роду исшел... (стлб. 233–234)

В своих ответных речах королю царь краток и безапелляционен в оценках. Он срывается в подробности всего несколько раз, особенно когда переходит к правам на Ливонию, к своим изменникам эрцгерцогу (королю) Магнусу, И. Таубе и Э. Крузе, плененным без боя велижским воеводам, к своему казненному брату Владимиру Андреевичу Старицкому, а также к истокам кровопролития в Ливонии. Часть комментариев о посольском обмене перенесена в отдельный список, и, таким образом, речь перед папским легатом содержит только наиболее важные спорные темы. Крайне неохотно царь комментирует военные успехи Стефана Батория и войны между европейскими монархами (например, упоминаемые королем неоднократно войны Франции с Габсбургами). Да и не по всем из оставшихся для ответа сюжетов Иван Грозный отвечает предметно, нередко звучат личные оскорбления («укоризны»). Неоднократно в устном ответе встречаем слова о том, что в июньском послании царя не было ничего обидного лично для Батория:

...а его есмя не соромачивали ничѣм, а которые и вычеты были, и то было княжеству Седмиградцкому [ПДС (10). Стлб. 212, см. также стлб. 230].

Впрочем, чуть ниже все же нанесен удар по королевскому «имени», в защиту доброй памяти об Иване III:

А что писал о блаженные памяти дѣдѣ нашем великом господарѣ царѣ Иванѣ укорителное слово, как он Великий Новгород в свою волю привел, и мы о том писати не хотим, потому что про нас некоторые правды укоризны не может писати, и он нам за посмѣх лаеет для того, что он не господарской прироженец [ПДС (10). Стлб. 218, см. также стлб. 230].

Все же трудно было прочитать эти слова иначе, чем унижительное напоминание противнику о том, что он государь не по рождению. Для царя это был жест вычеркивания из равных в диалоге, которым он уже интеллектуально не раз справлялся с оппонентами — с Эриком XIV и вслед за ним с Юханом III, а также с Елизаветой Тюдор.

Как бы в развитие этой иронии дальше в своей речи царь неоднократно напоминает, что к польской и литовской истории Стефан Баторий не имеет отношения. Этот сюжет возникает уже в послании 29 июня, где звучит весьма прямолинейно. Царь перечисляет великих князей литовских (последние — еще и короли польские) и добавляет:

А коли тых прежних господарей пишеш предки своими, о (П: и о) чом по их уложению не ходиш, а свое обычаи новые всчынаеш?..¹⁴

Сигизмунда I Старого Баторий называет своим предком («зовет себѣ его предком»). Грубая ирония усиливается за счет намека на то, что король называл в своем послании короля Сигизмунда много страдавшим «богобойным человеком», в ответ на что слышит от царя: «...и он почему своего предка обычаю не ходит?» [ПДС (10). Стлб. 222]. Иван Грозный не отказывает оппоненту в его особой правде, хотя и высмеивает ее при любом удобном случае, но откровенно недопустимым он считает «чтоб во всѣх землях его обычей был, как у него ведетца» [ПДС (10). Стлб. 228]. Это был возврат на аналогичный упрек со стороны короля: «Заж розумееш, жебы везде так (ся справовали) (П: справовалися), яко в Москве»¹⁵. Оба полемиста убеждены, что имеют дело с варварами. Это особенно акцентируется в обсуждении анатомических подробностей того, как под крепостью Сокол королевские люди после поражения царского войска вырезали из трупов воевод и детей боярских «сало и жольч»¹⁶. В Москве это воспринималось как дикость и религиозное преступление. Король же ударяется в подробности, восхваляя хирургию как общехристианское искусство («абы у хоробах и ранах живым помагали»). Этим искусством, как отметил король, и занимались в сентябре 1580 г. под Соколом его «немцы-барьеры» (ср. лат. *barbarius*, польск. *barwierz*). Это слово означает как парикмахера, так и фельдшера. В Москве его прочитали для местной копии, отразившейся в посольской книге: *барберы*. Царь демонстративно вслед за этим прочтением «не понял» короля, обратив в своих ответных речах его объяснение в пользу своих же обвинений: «а о Соколѣ, что такое не хрестыанское дѣло дѣлалось, — и сам король написал какое беззаконное дѣло дѣлалось, а будто барберы» [ПДС (10). Стлб. 227]. Высмеивание это или недоразумение, трудно сказать, но возможно, царь понял это слово в значении «варвары». В любом случае для него медицинские объяснения того, как немцы обращались с трупами, вовсе не были оправданием.

Судя по реакции царя на обидные слова короля, «лаями» в Москве считали только оскорбления, содержащие откровенно религиозное, богохульное звучание. Так, царь подробно разбирает фразу из письма короля:

А тот прыдаток у тытуле панств усходных и западных, отьколь тебе врос бес пышный, спротивяючыся Богу, хотел положить столицу свою не *польночы* (П: на полночи), ты себе привлащаш заход и запад, вже толко четвертый кут (с чортом) (П: щортом) Богу *зостави-*

¹⁴ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. № 591. Л. 517 об.

¹⁵ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. № 591. Л. 570 об.

¹⁶ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. № 591. Л. 518 об.

те (П: заставили). Зовешься носителем *Креста* (М: Криста) Хрыстова, ты, который з *дьяволом* (П: дияблом) полного усход (и заход) (П: *нет*) Богу отнимаешь, которого не носишь, але на подданные свое кресты незносные укладаешь (А: *буквы* кл *исправлялись*; М: *ускладаешь*; П: *вскладаешь*), который кгда ся тебе што пощастить, так ся подносишь фасливе, надуте пишеш и на короли (ся хрестияньские) (П: *хрестьянские* ся) пуцаеш¹⁷.

Царь отвечает на выпады о присвоении титулов восточного и западного монарха, особо рассуждает о Кресте Христове. И между двумя этими репликами говорит: «а что он нас за посмѣх лаёт, и мы о том не пишем» [ПДС (10). Стлб. 231]. Между темами титулов и Креста Христова в приведенной цитате из Батория только слова короля: «уже толко четвертый кут с чортом Богу зоставите». Мол, все стороны света царь занял своим титулом, оставил Богу только угол, в котором сидит черт.

Прямых упоминаний католичества в России у царя в речи нет. Эта тема обсуждалась отдельно, откладывалась по просьбе Ивана Грозного на мирное время, и лишь в начале 1582 г. царь пресек попытки Поссевино добиться признания римского папы как главы христианства. Прямых апелляций к Поссевино в речах не так много. Обычно к ним прибегает царь, когда чувствует сложность обсуждаемого вопроса или необходимость посредничества из-за глубоких разногласий. Среди них и вопрос о «лице» государя и его «маестате», требовавший точных дефиниций из политической теории, и непреодолимые взаимные подозрения в воинственности и тяге к кровопролитию, которую «ничѣм не утѣшити». Особенно значимый момент — ссылка царя на готовность перед послами Батория поступиться своим «царским именем» при заключении договора. Легат видел грамоту, и царь взывает к его справедливости, чтобы настоять, что не принуждал составить эту грамоту, иначе бы — подразумевает он — можно было надавить и в вопросе царского титула. Легату, кроме того, предложено рассудить, не хуже ли было начинать войну, преступая через крестное целованье, или как сделал царь — задержать «маленько» королевского гонца П. Гарабурду. По всей видимости, очень болезненными и неразрешимыми были для обеих сторон ошибки в дипломатическом этикете и вторжения в область суверенитета.

Царь и в послании 29 июня, и в речи 12 сентября упрекал короля в смерти посла М. Д. Карпова в ходе миссии, намекая на нерасследованные обстоятельства смерти, тогда как Стефан Баторий обрушил на царя множество обвинений в его неподобающем обращении с польско-литовскими посланниками, послами и гонцами. Накал страстей виден по одному тому, что в ответ Ивану Грозному на его обвинения по поводу смерти Карпова Стефан Баторий прямо напоминает своему противнику о таинственных обстоятельствах смерти князя Владимира Старицкого многими годами ранее. Это была, конечно, декларация непричастности короля. В ответ царь возвращает Батория к усобице между Кейстутом и Ягайло конца XIV в., уже чтобы только отделаться от назойливых обвинений в тиранических убийствах. Припоминал король и такие казусы, как захват московским гонцом Г. А. Нащокиным какого-то литвина во время своей

¹⁷ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. № 591. Л. 573.

миссии и незаконный вывоз его на территорию России, на что царь оправдывался, что литвин этот Нащокина обманул.

Ряд упреков в адрес короля нарочито-нравоучительны. Король пишет одно, а на самом деле — все было совсем иначе («и он пишет нам, что мы пишем невѣдомостью, а он сам пишет невѣдомостью») [ПДС (10). Стлб. 218]. Он пишет, что не встает при произнесении титула царя — так вот, пишет ему в ответ Иван Грозный, нужно и вставать, и спрашивать о здоровье (это напоминание о неудачном посольстве Карпова, которое отказалось вести переговоры из-за неучтивости короля). Выпад тут же дополняется словами о том, что Стефан Баторий иронично называет в своем письме царя «святым чудотворцем» — и почему же тогда королю, не святому и не чудотворцу, можно так приветствовать государя? Для сравнения со своей персоной царь называет высших духовных и светских глав в мире («ни папы, ни цесаря, ни турецкого и никоторого господаря») [Там же Стлб. 212]. Этот этикетный вопрос также предложено обдумать самому А. Поссевино. Как ясно из рукописной традиции послания короля, он называл Ивана Васильевича только «чудотворцем», слово «святой» добавил царь уже в своем ответе.

Спор о том, кто более свят, — это оборотная сторона взаимных обвинений в богохульстве. Еще в письме от 29 июня царь упрекал Батория в нарушении крестного целования и возмущенно добавил, что такого не ведется издревле: «И в книгах своих во всих вели искати!»¹⁸ Король не остается в долгу: с издевкой он отзывается об обычае оппонента ссылаться на Псалтирь и, в целом, Святое Писание, призывает его вместо псалмов и «басен бахоров» читать еще и «правдивых летописцов»¹⁹. В ответных речах царь крушит ссылки Стефана Батория на Святое Писание, которые ему, царю, не указ, поскольку и сам Баторий, чтобы говорить подобное, не апостол и не ангел Господень²⁰.

Царь лаконично реагирует на обвинение в тирании: я фараон, но если ты называешь меня фараоном и требуешь дани, то не забывай, что египетские фараоны никому дани не платили. И в ответ за непомерные требования короля в «репарациях» (сумма дани названа у царя намеренно в четыре раза ниже, чем в письме короля, — 100 тыс. золотых) сравнивает его с «турецким», т. е. с османским султаном, которого царь считал патроном Стефана Батория, а в переписке с Максимилианом II за несколько лет до того предлагал изгнать, совместно со Священной Римской империей разгромив Турцию. Упреки царя были крайне неблагоприятны для планов Римской курии по созданию антитурецкой коалиции, в которой значимая роль отводилась бы Стефану Баторию. При этом польский король видел по-своему коалицию, обсуждая ее создание перед походом на Псков на фоне слухов о болезни императора Рудольфа II, позволявших Стефану Баторию поднять вопрос о возможном получении от Святого Престола венгерской короны в случае его смерти. В начале 1582 г., когда Поссевино отчаялся обратить Московию в католицизм, он продолжил борьбу за антитурецкую лигу и перенес акцент на решение взаимного территориального конфликта между Стефаном Баторием и Рудольфом II. Впрочем, потерпел неудачу и в этом [Boratyński 1903; Dopierała 2012].

¹⁸ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. № 591. Л. 517 об.

¹⁹ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. № 591. Л. 558.

²⁰ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. № 591. Л. 566–566 об.; [ПДС (10). Стлб. 221].

Обвинение Ивана Васильевича в тирании у короля действительно тесно связано с предписанием платить разовую дань, однако Стефан Баторий в своем письме возвращается к теме тирании, когда обсуждает принципы правления, себя считая при этом законно избранным по принципам, действующим в Речи Посполитой в традициях Римской республики. Московского тирана он сравнивает при этом с деспотами и признанными в европейской книжности тиранами в ответ на его уподобления самого Стефана Батория Сенахерибу, Амалику и Максению:

А будеш же ты нас, человек тых обычаев, прировнывал до Сенахерыбов, Амалехов, *Макъсенътиушов* (М: Максентыушов, буква е из и; П: Макселцусов), — сам *Каиме* (П: Каине), *Фаларысе* (М: Фваларисе), Фараоне и (П: нет) Ироде, Антиоше! А заж будеш *лгати* (М: и лгати) Духом Светым, а Писмо Оного выворочываючи, нас ганъбил и проклинал, сам будучы волк драпежный, за овъцу ся показывал²¹.

Иван IV не отвечает на эти слова инвективами, поясняя только, что в послании от 29 июня упоминал Сенахериба и прочих потому, «что как тѣ хвалились, так им он хвалитца все рукою своею взять» [ПДС (10). Стлб. 228–229]. Тиранию царь выразительно сводит к самоуверенности и гордыни правителя, обходя стороной все те пороки, которые были закреплены в европейском мышлении за Каином, Фаларисом, Фараоном, Иродом и Антиохом.

«Тирания» правителя для московского государя — не предмет политической философии, а словесное оскорбление, поскольку мыслится не в рамках классификации политических типов, а в качестве допустимой для стороннего человека оценки чужого правления. Гораздо больше Ивана Грозного заботит то, что из его козырей у него пытаются вырвать образ постулируемого в Москве брата императора Октавиана Августа по имени Прус [Ерусалимский 2009] и древние договорные грамоты, древности которых польский король не признавал. Царь парировал последний аргумент тем, что договоры Великого Новгорода и Пскова с Ливонией пишутся «на урочные лѣта», «а болши вѣку челоуѣческаго никому грамоты писати нельзя, а на сто лѣт нигдѣ есмя тово не слыхали, чтоб перемирные грамоты писати, а по смерти кому мочно своя воля дѣлати» [ПДС (10). Стлб. 215]. Это очередной аргумент от «здорового смысла», призванный лишить сомнения польско-литовской стороны всяческих оснований. И это была не единственная отповедь Ивана Грозного Стефану Баторию по поводу датировки грамот. Царь потребовал от короля таким же образом, как тот требовал от российских властей, предъявить ему грамоты («привилье») Ливонии с давнишними королями польскими и великими князьями литовскими («Олгерду, Ягайлу и Витуту, и Казимеру, и старшему Жигимонту»): «и грамоты у короля якие естли на то, и он бы к нам с тѣх грамот писмо прислал» [Там же. Стлб. 214–216].

Сходным образом повел себя Стефан Баторий, когда перед Поссевино отстаивал права польских королей на Псков, ссылаясь на будто бы имеющиеся

²¹ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. № 591. Л. 574. Ср.: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. № 591. Л. 527 об.–528.

в его архиве грамоты, но так их и не показал²². В Москве парировали тем, что единственный законный правитель Пскова из литовских князей «Домонт» (Довмонт-Тимофей) был «случаем взят на Псков» и сам же позднее из Пскова «збежал». Более основательным Иван Грозный считал правление его преемника Александра Невского, а в своих речах, обращенных к римскому легату, царь вспоминал зависимость псковичей от крестившей их русской княгини Ольги. За Довмонтом была замужем племянница великого князя Александра княжна Мария: «Да от тех мест и по ся места николи Псковская земля прислушна к литовским к великим князем не бывала»²³. Господства великих князей литовских Гедиминовичей над предками московских государей в Москве не находили. На этом фоне родословный аргумент набирал силу для дискредитации венгерских предков Стефана Батория: в источнике, близком с Воскресенской летописью и сходном, по нашему предположению, с Лицевым летописным сводом, был обнаружен рассказ о разгроме войском Изяслава Мстиславича и венгерского короля Гейзы II войска Владимира (Володимирка) Галичского на р. Сан в 1152 г., во время которого угорский король применил к киевскому великому князю обращение *отче*. Иван Грозный счел это доказательством старшинства своих предков (к их числу он причислял Изяслава Мстиславича) над венгерскими (король Гейза был предшественником Стефана Батория как правителя Трансильвании) [Ерусалимский 2017].

В сложившихся к лету 1581 г. обстоятельствах ссылки на древности превращались в инструмент затягивания переговоров и статусного торга, в которых обе стороны нивелировали взаимные запросы, поскольку было понятно, что ни старшинства московских великих князей над Арпадами и Ягеллонами, ни прав Ягеллонов на Псков или Москву контрагент никогда дипломатическим путем не признает. Трата времени на эту торговлю при участии римского легата была на руку Москве, но вопрос решался на поле брани и не в пользу Стефана Батория, поскольку его войско увязло под Псковом, и несмотря на успехи его гетманов в разорении и ослаблении России, посредничество облегчало и для короля временный выход из конфликта. Уже после приезда Поссевино из Старицы под Псков (где он находился с 5 октября по 16 ноября 1581 г.) Стефан Баторий отказался от обсуждения долгосрочных планов на создание антитурецкой коалиции и со все большим недоверием относился к идеям об обращении Московии в католицизм. В лагере под Псковом эти планы Святого Престола вызывали только смех [Cieślak 2012: 73–110].

Успехи и провалы

Для Антонио Поссевино важно было рано или поздно перейти к обсуждению духовных материй, в которых он чувствовал возможность радикально решить конфликт сторон в случае их согласия на церковную унию или хотя бы на военный союз под патронатом Святого Престола. 14 февраля 1582 г. Поссевино приехал «к Москве», 16 февраля был принят у царя и приглашен на пир, на следующий день получил память «о Литовской войне», а еще день спустя

²² РГАДА. Ф. 78. Оп. 1. Кн. 1. Л. 231.

²³ РГАДА. Ф. 78. Оп. 1. Кн. 1. Л. 232 об.–233.

вновь принят у царя. Переговоры продлились до 11 марта, и 15 марта легат направился в Рим вместе с посольством Якова Молвянинова²⁴. От своих планов Поссевино не отказался даже после того, как Иван Грозный назвал Григория XIII волком (в сходном значении Стефан Баторий в своем послании назвал волком самого же Ивана Васильевича) и обвинил католиков в обожествлении римского папы (только перед тем царь парировал такое же обвинение в свой адрес со стороны польского короля) и бритье бороды (отец Ивана Грозного эпатировал придворных и духовенство выбритым подбородком, когда женился на Елене Глинской, а сам Иван IV в Лицевом своде до 1558 г., т. е. до возраста 27–28 лет, изображается безбородым). План обращения России сохранялся в силе и после Московских переговоров 1582 г., однако полемика между Стефаном Баторием и Иваном Грозным закончилась уже в сентябре 1581 г. Обе стороны потеряли интерес к продолжению препирательств, и миссия Поссевино достигла удачи уже в том, что стороны отказались навсегда от словесной дуэли. Это не гарантировало успех Святому Престолу в тех задачах, которые должны были решаться иными путями, но меморандум Поссевино — Вандевилля в их решении продолжал служить общим ориентиром.

Между тем в Варшаве и Москве восприняли миссию Святого Престола не только в миротворческом русле. Усилия, во многом развивающие достижения Ферраро-Флорентийского собора в направлении церковной унии, были не вполне уместны для обоих правителей. Этим и вызвана череда иронических, во многом унижительных оценок, которыми был встречен папский легат не только в Москве, но и в Варшаве. Ему не удалось нарушить религиозную гетеродоксию Речи Посполитой и упротить Ивана Грозного построить костел в Москве²⁵. Это не мешало легату на родине распространить слух (возможно, намеренно раздутый до комичной басни) о том, что за деньги, подаренные ему за посредничество в переговорах с королем, Поссевино выкупил пленных на условиях, что они будут копать в Москве фундамент для католического храма, и будто бы этот храм уже возведен²⁶.

²⁴ Отметим неточность в исследованиях Д. Квирини-Поплавской. Первый прием Поссевино у царя в Москве состоялся не 18 марта 1582 г., как полагает исследовательница, а еще 16 марта. И закончились переговоры не 15 марта, а 11 марта, поскольку именно в этот день состоялся «отпуск» легата, что и следует считать официальным завершением посольства (РГАДА. Ф. 78. Оп. 1. Кн. 1. Л. 314–315, 322–322 об., 333–337 об., 343 об.–344, 381 об.–391, 397 об.–398, 418–430 об., 468 об.–469; Ф. 32. Оп. 1. Кн. 4. Л. 135, публ.: [ПДС (10). Стлб. 258–259, 264–265, 273–276, 281, 310–317, 322–323, 339–351, 382; Поссевино 1983: 76–87]). Ср. [Quirini-Popławska 2012: 254–255] (впрочем, уже на с. 256 данного исследования автор точно указывает даты отпуска и выезда Поссевино из Москвы); при этом в итинерарии Поссевино в этом же издании и при участии той же исследовательницы приведена абсурдная дата «трех аудиенций у царя», последняя из которых будто бы состоялась 21 марта, когда Поссевино уже давно не было в Москве; ср. [Quirini-Popławska, Burkiewicz 2012: 591].

²⁵ О борьбе Поссевино наряду с его соратниками по ордену с «политической» политикой Н. Макиавелли и религиозной гетеродоксией в доктрине Ж. Бодена см.: [Höpfel 2004: 84–111].

²⁶ Так, в письме Аннибале Капелло кардиналу Луиджи Эсте от 14 сентября 1582 г.: «Что едва мир между двумя государями был подписан, упомянутый Московит дал ему 60 тысяч скудо. Этот синьор сказал, что дарит деньги, чтобы тот употребил их по своему разумению. Хотя пленникам была дарована свобода, Поссевино тотчас велел им копать фундамент для будущей церкви, которая на эти деньги, должно быть, уже построена. Это тотчас вызвало в

Малые цели были все же достигнуты в значительном объеме, и они свидетельствуют о многоплановости миссии Святого Престола. Несмотря на грубость царя в адрес римского папы, между ним и легатом, по всей видимости, была достигнута устная договоренность о неупоминании оскорбительных слов в дальнейших переговорах, вряд ли выгодных для царя в его отношениях с Веной, Венецией и Римом. В Москве легату удалось выпросить у Ивана Грозного выдачу восьми из 22 итальянцев и испанцев, полтора года томившихся в вологодской тюрьме. Легат не терял надежды на освобождение остальных пленных; вместе с тем он приложил немало усилий, чтобы на обратном пути в Рим разрешить территориальные споры между Стефаном Баторием и Рудольфом II, втянуть Венецию в антитурецкую коалицию, оградить московских послов от контактов с православными греками в Европе и продвинуться в католическом обучении русинов, татар и москвитов в иезуитских коллегиях. При этом даже у идеи антитурецкой коалиции был косвенный «второй план». Григорий XIII надеялся на поддержку в Москве миссионеров, направлявшихся из католического мира в Азию.

Оценки миссии Поссевино обычно останавливаются на перспективе Святого Престола, которая намечена выше. Вместе с тем в исследованиях католической миссии малозаметны те последствия, которые наступили благодаря вмешательству римского легата в диалог польско-литовской знати (и прежде всего канцелярий Короны Польской и Великого княжества Литовского) с московским престолом (где знать, возможно, в переговорах не играла существенной роли, но могли влиять церковные главы и отношения царя с попавшим под его горячую руку царевичем Иваном Ивановичем). Впервые за много лет Москва перестала обмениваться оскорбительными письмами с Вильно. Царь отказался от своей излюбленной манеры ведения переговоров — от «кусательных» посланий, которые показывали противникам и всему миру его непримиримость и богоизбранность. Речь царя, адресованная Антонио Поссевино под видом ответа Стефану Баторию, была последним посольским посланием, где звучали взаимные упреки «от Адама». И это уже не было дипломатическое письмо в традиционном понимании. Оно не имело эпистолярного формуляра, было по содержанию и форме «речами», не было включено, по всей видимости, в официальное делопроизводство на российско-литовском направлении и вряд ли получило широкую огласку. Оно вошло только в «папскую» посольскую книгу, отразившую переговоры со Святым Престолом. По крайней мере, в нашем распоряжении недостаточно свидетельств распространения этих речей, сопоставимых с тем влиянием, которое оказали на официальную дипломатию некоторые официальные и полуофициальные письма царя предшествующих лет. Достаточно сравнить переписку лета 1581 г. с посланием царя Стефану Баторию от 1–13 февраля 1582 г., т. е. от тех дней, когда царь готовился к переговорам с Поссевино в Москве. Царь в этом письме декларировал свое полное нежелание продолжать переписку «укорительными и жестокими словами». Это решение Ивана Грозного встретило поддержку Стефана Батория, хотя ни московский, ни польский монархи не отказались от своих завоевательных планов.

тамошнем народе такой прилив набожности и умиления, что мужчины и женщины стремились принести все необходимое для постройки, что только могли» [Дубровский 2013: 40].

Источники

Архивные

- РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Кн. 4 — Российский государственный архив древних актов. Ф. 32 (Сношения России с Австрией и Германской империей). Оп. 1. Кн. 4.
- РГАДА. Ф. 78. Оп. 1. Кн. 1 — Российский государственный архив древних актов. Ф. 78 (Сношения России с римскими папами). Оп. 1. Кн. 1.
- РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 13 — Российский государственный архив древних актов. Ф. 79 (Сношения России с Польшей). Оп. 1. Кн. 13.
- РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. № 591, 592 — Российский государственный архив древних актов. Ф. 389 (Литовская Метрика). Оп. 1. Кн. 591, 592.
- AGAD. AR. Dz. V. Sygn. 75 — Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. Archiwum Radziwiłłów. Dział V. Sygnatura 75.
- ARSI. Polonia. ONN. № 329 I — Archivum Romanum Societatis Iesu. Polonia. Opera Nostro-rum. № 329 I.
- BN. № 6604 — Biblioteka Narodowa (Warszawa). Rękopisy. Sygnatura 6604.
- GStA-PK. HBA 719 E5 — Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz. Berlin. HA. XX. HA Historisches Staatsarchiv Königsberg. HBA. Kasten 719 E5.

Опубликованные

- ВХКИБМ — Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Приходные и расходные книги Ио-сифо-Волоколамского монастыря 70–80-х гг. / Под ред. А. Г. Манькова. Вып. 1. М.; Л.: Ин-т истории СССР, 1980.
- ДПП — Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (осада Пскова) и дипломатическая переписка того времени, относящаяся главным образом к заключению Запольского мира (1581–1582 г.) / Изд. М. О. Коялович. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1867.
- Кампана 2018 — *Кампана Дж. П.* Донесение о путешествии в Московию / Подгот. текста И. В. Дубровского, В. В. Рыбакова; Пер. В. В. Рыбакова; Предисл. И. В. Дубровского // Русский Сборник: Исследования по истории России. Т. 24 / Ред.-сост. О. Р. Айрапетов и др. М.: Модест Колеров, 2018. С. 99–389.
- ПДС — Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 1. СПб.: Второе Отд-е Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1851; Т. 2. СПб.: Второе Отд-е Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1871.
- Поссевино 1983 — *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. («Московия», «Ливония» и др.) / Пер., вступ. ст. и коммент. Л. Н. Годовиковой; Отв. ред. В. Л. Янин. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.
- РК 1605 — Разрядная книга 1475–1605 гг. / Сост. Н. Г. Савич, Л. Ф. Кузьмина; Под ред. и с предисл. В. И. Буганова, Н. М. Рогожина. Т. 3. Ч. 1. М.: Ин-т истории АН СССР; Наука, 1984.
- HRM — *Historica Russiae Monumenta / Ex antiquis exterarum gentium archivis et bibliothecis deprompta*, ab A. J. Turgenevio. T. 1. Petropoli: Typis Eduardi Pratz, 1841.

Литература

- Бачинский и др. 2019 — *Бачинский А. А., Ерусалимский К. Ю., Козляков В. Н., Шварц И.* Проект раздела Речи Посполитой между Россией и Священной Римской Империей: Краковский столбец начала 1576 года // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2019. № 2 (26). С. 134–166. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu19.2019.209>.

- Дубровский 2013 — *Дубровский И. В.* Новые документы по истории отношений России и Италии при Иване Грозном // *Русский Сборник: Исследования по истории России.* Т. 14 / Ред.-сост. О. Р. Айрапетов и др. М.: Модест Колеров, 2013. С. 7–72.
- Ерусалимский 2009 — *Ерусалимский К. Ю.* Прус и «Прусский вопрос» в дипломатических отношениях России и Речи Посполитой 1560-х — начала 1580-х гг. // *Хорошие дни: Памяти Александра Степановича Хорошева* / Сост. А. Е. Мусин. Великий Новгород и др.: ЛеопАрт, 2009. С. 276–293.
- Ерусалимский 2017 — *Ерусалимский К. Ю.* Лицевой летописный свод в дипломатии Ивана Грозного // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского.* 2017. № 6. С. 14–22.
- Мельник 2018 — *Мельник А. Г.* Богомолья царя Ивана Грозного // *Сообщения Ростовского музея.* Вып. 23 / Под общ. ред. А. Г. Мельника, С. В. Сазонова. Ростов: Гос. музей-заповедник «Ростовский Кремль», 2018. С. 61–79.
- Новодворский 1904 — *Новодворский В.* Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитою (1570–1582): Историко-критическое исследование. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1904.
- Флоря 1978 — *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. М.: Наука, 1978.
- Boratyński 1903 — *Boratyński L.* Stefan Batory i plan ligi przeciwko Turkom 1576–1584. Kraków: UJ, 1903.
- Burkiewicz 2012 — *Burkiewicz Ł.* Sylwetka o. Antonia Possevina SJ (1533–1611) // *Antonio Possevino SJ (1533–1611): Życie i dzieło na tle epoki* / Pod red. D. Quirini-Popławskiej. Kraków: WAM, 2012. S. 154–183.
- Cieślak 2012 — *Cieślak S., S. J.* Stosunki wyznaniowe w Rzeczypospolitej oraz życie religijne króla Stefana Batorego // *Antonio Possevino SJ (1533–1611): Życie i dzieło na tle epoki* / pod red. D. Quirini-Popławskiej. Kraków: WAM, 2012. S. 73–110.
- Donnelly 1988 — *Donnelly J. P., S. J.* Antonio Possevino's plan for world Evangelization // *The Catholic Historical Review.* Vol. 74. No. 2. 1988. P. 179–198.
- Dopierała 2012 — *Dopierała K.* Problem zagrożenia tureckiego w czasie wojny polsko-moskiewskiej w latach 1579–1582 // *Antonio Possevino SJ (1533–1611): Życie i dzieło na tle epoki* / Pod red. D. Quirini-Popławskiej. Kraków: WAM, 2012. S. 49–72.
- Höpfl 2004 — *Höpfl H.* Jesuit political thought: The Society of Jesus and the state, c. 1540–1640. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004.
- Kąkolewski 2007 — *Kąkolewski I.* Melancholia władzy. Problem tyranii w europejskiej kulturze politycznej XVI stulecia. Warszawa: Neriton, 2007.
- Lulewicz 2002 — *Lulewicz H.* Gniewów o unię ciąg dalszy. Stosunki polsko-litewskie w latach 1569–1588. Warszawa: Neriton, 2002.
- Mund 2004 — *Mund S.* La mission diplomatique du père Antonio Possevino (S. J.) chez Ivan le Terrible en 1581–1582 et les premiers écrits jésuites sur la Russie moscovite à la fin du XVIe siècle // *Cahiers du Monde russe.* Vol. 45. No. 3/4. 2004. P. 407–439.
- Polčín 1957 — *Polčín S., S. J.* Une tentative d'Union au XVIe siècle: la mission religieuse du Père Antoine Possevin, S. J. en Moscovie (1581–1582). Rome: Pont. Inst. Orient. Stud., 1957.
- Quirini-Popławska 2012 — *Quirini-Popławska D.* O. Antonio Possevino w podróży w latach 1581–1583; pomiędzy Italią, Polską a Moskwą // *Antonio Possevino SJ (1533–1611): Życie i dzieło na tle epoki* / Pod red. D. Quirini-Popławskiej. Kraków: WAM, 2012. S. 237–268.
- Quirini-Popławska, Burkiewicz 2012 — *Quirini-Popławska D., Burkiewicz Ł.* Itinerarium ojca Antonia Possevina SJ (1533–1611) // *Antonio Possevino SJ (1533–1611): Życie i dzieło na tle epoki* / Pod red. D. Quirini-Popławskiej. Kraków: WAM, 2012. S. 584–596.

Sach 2020 — Sach M. “Griechischen” Glaubens und “Erbe von Byzanz”? Fehleinschätzungen, kulturelle Missverständnisse und konfligierende Konzepte über das Selbstverständnis in den Gesprächen zwischen Zar Ivan IV. und dem päpstlichen Legaten Antonio Possevino im Jahre 1582 // Byzanz und seine europäischen Nachbarn: Politische Interdependenzen und kulturelle Missverständnisse / Hrsg. von L. Körntgen et al. Heidelberg: Propylaeum, 2020. (Byzanz zwischen Orient und Okzident; Bd. 17). S. 151–178.

References

- Bachinskii, A. A., Erusalimskii, K. Yu., Kozliakov, V. N., & Shvarts [= Schwarcz], I. (2019). Projekt razdela Rechi Pospolitoi mezhdru Rossiei i Sviashchennoi Rimskoi Imperiei: Krakovskii stolbets nachala 1576 goda [The Project of the partition of the Polish-Lithuanian Commonwealth between Russia and the Holy Roman Empire: The Cracow roll-message from 1576]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2019(2, no. 26), 134–166. (In Russian).
- Boratyński, L. (1903). *Stefan Batory i plan ligi przeciwko Turkom 1576–1584*. UJ. (In Polish).
- Burkiewicz, Ł. (2012). Sylwetka o. Antonia Possevina SJ (1533–1611). In D. Quirini-Popławska (Ed.). *Antonio Possevino SJ (1533–1611): Życie i dzieło na tle epoki* (pp. 154–183). WAM. (In Polish).
- Cieślak S., S. J. (2012). Stosunki wyznaniowe w Rzeczypospolitej oraz życie religijne króla Stefana Batorego. In D. Quirini-Popławska (Ed.). *Antonio Possevino SJ (1533–1611): Życie i dzieło na tle epoki* (pp. 73–110). WAM. (In Polish).
- Donnelly J. P., S. J. (1988). Antonio Possevino’s plan for world Evangelization. *The Catholic Historical Review*, 74(2), 179–198.
- Dopierała, K. (2012) Problem zagrożenia tureckiego w czasie wojny polsko-moskiewskiej w latach 1579–1582. In D. Quirini-Popławska (Ed.). *Antonio Possevino SJ (1533–1611): Życie i dzieło na tle epoki* (pp. 49–72). WAM. (In Polish).
- Dubrovskii, I. V. (2013). Novye dokumenty po istorii otnoshenii Rossii i Italii pri Ivane Groznom [New documents on the history of Italy — Russia relations during the reign of Ivan the Terrible]. In O. R. Airapetov et al. (Eds.). *Russkii Sbornik: Issledovaniia po istorii Rossii* (Vol. 14, pp. 7–72). Modest Kolerov. (In Russian).
- Erusalimskii, K. Yu. (2009). Prus i “Prusskii vopros” v diplomaticheskikh otnosheniiakh Rossii i Rechi Pospolitoi 1560-kh — nachala 1580-kh gg. [Prus and the “Prussian question” in diplomatic relations between Russia and the Polish-Lithuanian Commonwealth, 1560s — early 1580s]. In A. E. Musin (Ed.). *Khoroshie dni: Pamiati Aleksandra Stepanovicha Khorosheva* (pp. 276–293). LeopArt. (In Russian).
- Erusalimskii, K. Yu. (2017). Litsevoi letopisnyi svod v diplomatii Ivana Groznogo [The Great Illustrated Chronicle and diplomacy of Ivan the Terrible]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2017(6), 14–22. (In Russian).
- Floria, B. N. (1978). *Russko-pol’skie otnosheniia i politicheskoe razvitiie Vostochnoi Evropy vo vtoroi polovine XVI — nachale XVII v.* [Russian-Polish relations and the political development of Eastern Europe in the second half of the 16th — early 17th centuries]. Nauka. (In Russian).
- Höpfl, H. (2004). *Jesuit political thought: The Society of Jesus and the state, c. 1540–1640*. Cambridge Univ. Press.
- Kąkolewski, I. (2007). *Melancholia władzy. Problem tyranii w europejskiej kulturze politycznej XVI stulecia*. Neriton. (In Polish).
- Lulewicz, H. (2002). *Gniewów o unię ciąg dalszy. Stosunki polsko-litewskie w latach 1569–1588*. Neriton. (In Polish).
- Mel’nik, A. G. (2018). Bogomol’ia tsaria Ivana Groznogo [Tsar Ivan the Terrible’s pilgrimages]. In A. G. Melnik, & S. V. Sazonov (Eds.). *Soobshcheniia Rostovskogo muzeia* (Vol. 23, pp. 61–79). Gosudarstvennyi muzei-zapovednik “Rostovskii Kreml’”. (In Russian).

- Mund, S. (2004). La mission diplomatique du père Antonio Possevino (S. J.) chez Ivan le Terrible en 1581–1582 et les premiers écrits jésuites sur la Russie moscovite à la fin du XVIe siècle. *Cahiers du Monde russe*, 45(3/4), 407–439. (In French).
- Novodvorskii, V. (1904). *Bor'ba za Livoniu mezhdu Moskvoiu i Rech'iu Pospolitoiu (1570–1582): Istoriko-kriticheskoe issledovanie* [Struggle for Livonia between Moscow and the Polish-Lithuanian Commonwealth, 1570–1582: A historical critical study]. Tipografia I. N. Skorokhodova. (In Russian).
- Polčin S., S. J. (1957). *Une tentative d'Union au XVIe siècle: la mission religieuse du Père Antoine Possevin, S. J. en Moscovie (1581–1582)*. Pont. Inst. Orient. Stud. (In French).
- Quirini-Popławska, D. (2012). O. Antonio Possevino w podróży w latach 1581–1583; pomiędzy Italią, Polską a Moskwą. In D. Quirini-Popławska (Ed.). *Antonio Possevino SJ (1533–1611): Życie i dzieło na tle epoki* (pp. 237–268). WAM. (In Polish).
- Quirini-Popławska, D., & Burkiewicz, Ł. (2012). Itinerarium ojca Antonia Possevina SJ (1533–1611). In D. Quirini-Popławska (Ed.). *Antonio Possevino SJ (1533–1611): Życie i dzieło na tle epoki* (pp. 584–596). WAM. (In Polish).
- Sach, M. (2020) “Griechischen” Glaubens und “Erbe von Byzanz”? Fehleinschätzungen, kulturelle Missverständnisse und konfligierende Konzepte über das Selbstverständnis in den Gesprächen zwischen Zar Ivan IV. und dem päpstlichen Legaten Antonio Possevino im Jahre 1582. In L. Körntgen et al. (Eds.). *Byzanz und seine europäischen Nachbarn: Politische Interdependenzen und kulturelle Missverständnisse* (pp. 151–178). Propilaeum. (In German).

* * *

Информация об авторе

Константин Юрьевич Ерусалимский

доктор исторических наук
профессор, центр «Res Publica»,
Европейский университет в Санкт-Петербурге
Россия, 191187, Санкт-Петербург,
Шпалерная ул., д. 1
Тел.: +7 (812) 383-53-17
научный сотрудник, Санкт-Петербургский
институт истории РАН
Россия, 197110, Санкт-Петербург,
Петрозаводская ул., д. 7
Тел.: +7 (812) 235-41-98
✉ keralimski@mail.ru

Information about the author

Konstantin Yu. Erusalimskii

Dr. Sci. (History)
Professor, Center “Res Publica”, European
University at Saint Petersburg
Russia, 191187, Saint Petersburg,
Shpalernaya Str., 1
Tel.: +7 (812) 383-53-17
Researcher, Saint Petersburg Institute
of History of Russian Academy of Sciences
Russia, 197110, Saint Petersburg,
Petrozavodskaya Str., 7
Tel.: +7 (812) 235-41-98
✉ keralimski@mail.ru